

Татьяна Мищенко,
Ольга Белугина,
Светлана Куркина,
БГУ им. академика
И. Г. Петровского, Брянск

СИМВОЛИКА ЖЕНСКОЙ «ПОЧЕСТНОСТИ» В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ: АКЦИОНАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Символика морально-нравственных устоев поколения середины XX века наиболее ярко проявляется в свадебном обряде, так как каждый именно свадебный обрядовый термин «способствует закреплению в сознании носителей традиционной народной духовной культуры представления о ритуальных функциях предметов и действий свадебного обряда» [1, с. 202].

Теоретическую основу для написания статьи составили исследования в области фольклористики, этнографии и лингвистики А.В. Гуры, Л.А. Тульцевой, Д.К. Зеленина, Н.М. Никольского, С.М. Толстой, М.В. Довнар-Запольского, Т.А. Агапкиной, Г.И. Кабаковой, И.М. Снегирева, Ю.Ф. Крачковского, Н.Ф. Сумцова, В.А. Лобача, Н.И. Остроумова, А. Терещенко, Г.С. Масловой, А.К. Байбурина и др.

Фактическим источником послужили фольклорные тексты, записанные в сёлах и деревнях Восточного Полесья. Материал собран в ходе работы по выполнению совместного грантового проекта РГНФ-БРФФИ № 15-24-01551 е(м). Записи хранятся в фольклорно-диалектологическом архиве филиала ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове.

В качестве респондентов были опрошены жительницы сельской местности Восточного Полесья, рождённые в конце 1920 – начале 1940-х годов, так как именно это поколение, чья молодость пришлась на 1940 – 1950-е годы, по нашему мнению, хранит в своей памяти элементы традиционных обрядов, социальные и нравственные установки и оценки.

Объектом исследования в данной статье является система символов (предметов и высказываний речи), связанная с обозначением девичьей невинности в свадебном обряде жителей Восточного Полесья.

Свадебный обряд Российско-Белорусского пограничья представляет собой целостную картину нравов и обычаев, смысловая символика которых на современном этапе частично утрачена.

Доминантой свадебного действия является проверка невесты на её честность. Это чаще всего создаётся предметами-символами (акциональный аспект), а также словесными актами (пением, произношением пословиц и поговорок и др.).

Проверка невесты на честность отражена во многих обрядовых действиях. Самым распространённым из них на исследуемой нами территории (распространён повсеместно) является показ невестой после брачной ночи рубашки (сорочки) или простыни (в качестве простыней раньше служили кусок полотна, дерюга или любая другая подстилка), на которой спали молодые: *«Яны́ заставля́ли, та́к а́на сама́ ў ту́т начава́ла, и выно́сила, и пака́зывала. Тады́ прастыне́й ня было́, а с палотна́ дярю́уи такія́ да пасті́лки. Э́та цяпе́рь ... та́к яны́ вы́нясуць ту́ю пасті́лку, пака́жух, да и усё»* (Записано от Тимошенко А.П., 1929 г.р., с. Верхличи, Красногорский район, Брянская обл.). В качестве проверяющей всегда выступает свекровь, реже – крёстная: *«Мо́жа и хрёсна́я правэ́рыць, а бо́льшы – ма́тка. Далэ́жна малада́я падня́цца и атда́ць рубашку́»* (Записано от Миненко Е.М., 1932 г.р., с. Новое Место, Новозыбковский район, Брянская обл.). Сорочку также могла принести и сваха родителям невесты: *«Сва́ха, каудá но́чиньку паспі́ш, та́к ба́цьки и ма́тки че́сть принісе́ць»* (Записано от Носовой Н.А., 1928 г.р., с. Шеломы, Новозыбковский район, Брянская обл.). Менее распространена демонстрация простыни или рубашки всем собравшимся на свадьбе гостям или ношение её по всему селу: *«...насі́ли, на шо́ст ўстыркну́ць во́...э́та, зна́ць, маладо́му и к маладо́й иду́ць: ска́чать, пё́ять»* (Записано от Миненко Е.М., 1932 г.р., с. Новое Место, Новозыбковский район, Брянская обл.).

По мнению Г.И. Кабаковой, именно такая рубашка (с пятнами дефлорации) является «символом готового к деторождению женского тела» [5, II, с. 36].

В Полесских сёлах на третий день свадьбы было принято «ходить на курицу». Данное действие символизирует демонстрацию девичьей целомудренности. Если невеста была «честная», то ловили курицу, сажали её на шест, на который был привязан красный бант, символизирующий невинность девушки, и ходили по селу. После курицу тушили и подавали на стол: *«На ку́рицу – э́та ужэ́ трэ́тий де́нь. Трэ́тий де́нь – к те́ще... Кра́сную ле́нту на шты́рь тако́й привя́зывали, ку́рицу жы́вую насі́ли и лапш́у ку́риную ва́ріли»* (Записано от Сугаковой Л.Д., 1940 г.р., с. Сновское, Новозыбковский район, Брянская обл.). На современном этапе символика данного действия утрачена.

В свадебной обрядовой традиции Полесья при благополучном исходе первой брачной ночи курицу, перевязанную красной лентой,

перекидывали через забор матери невесты: *«Кўрицу рва́ли на ўтра... Ё́сли дэ́вушка чэ́сная вы́шла за́муш: бе́днай ку́рице – аминь. Руба́шку, ... патанцу́ють, свя́жась, и насі́ли, ма́тки на дво́р кидáли чэ́риз забо́р... кра́снай лё́нтай»* (Записано от Грищенко В.И., 1940 г.р., с. Спиридонова Буда, Злынковский район, Брянская обл.).

В славянской мифологии курица наделена брачно-эротической символикой. Во многих фольклорных и языковых контекстах курица является символом женских детородных органов. Ведь недаром *«...первоначально курица была магическим символом плодородия новобрачных»* [4, с. 343].

Красный бант, используемый в данном обычае, также выступает мотивирующим символом девственности невесты в свадебном обряде жителей Полесья. Во многих сёлах на второй день свадьбы его было принято вешать на груди жениху, а также на музыкальные инструменты гармонисту или барабанщику: *«...тады́ ужо́ абвя́зывают...на ўармо́ню ве́шают кра́сную лё́нту, на бараба́н – кра́сную лё́нту, маладо́му завя́зывают кра́сную лё́нту, ужо́ж всё, харашо́ всё»* (Записано от Молякко Е.В., 1939 г.р., с. Летяхи, Красногорский район, Брянская обл.).

В д. Дубенец Красногорского района Брянской области на саму свадьбу невеста надевала венок, который был украшен множеством красных, розовых или другого цвета ленточек, кроме синего. Если невеста была «нечестная», то свадебный венок украшался синими лентами: *«Вяно́к и лё́нтаў та́м бау́ата нача́пляли. Ну́, ё́сли дэ́вушка, то́ сінних лё́нтаў ни ча́пляли, ча́пляли кра́сныя, ро́завыя, фся́кия, а сінних ни ча́пляли»* (Записано от Осипенко В.Е., 1947 г.р., д. Дубенец, Красногорский район, Брянская область). В данном примере символом девичьей «нечестности» до свадьбы является *синий* цвет. Такая цветовая гамма зафиксирована нами только в д. Дубенец.

Кроме того, в знак доказательства «честности» невеста на второй день свадьбы повязывала самотканый пояс красного цвета: *«Во́ та́к аппя́зуюць ё́тым... По́ис кра́сный на́зыва́ўся. На́зыва́ўся по́ис кра́сный, саматка́ный. Во́ па́двя́зуюць яу́о, по́исам кра́сным, яна́ и и́дэ́т»* (Записано от Осипенко В.Е., 1947 г.р., д. Дубенец, Красногорский район, Брянская область).

Целомудренность невесты подчёркивал и тот факт, что на второй свадебный день жених шёл благодарить мать невесты. Шествие сопровождалось шумом, пением, весёлым плясом. Сваха при этом размахивала чем-либо красным, в качестве которого могла служить бутылка с красным свекольным рассолом, перевязанная красной лентой с красным бантом: *«Наза́втрауа жа́них и́дэ́ць бла́гадарі́ць няве́стину ма́ць. Ё́сли няве́ста жы́вэ́ць ў краю́ сяла́, во́т ўдо́ль сяла́ та́к и́ду́ць, танцу́ють ўсю́ даро́гу, и ви́ца́ць, и кра́сным*

махáють. Ни тря́пка, а у нас было́ там... вóт ў буты́лки крáсный бурáчный расóл ... завя́зана крáснай лénтай и крáсный цвёт. И э́та сва́ха дэ́ржыць ўсю́ даро́уу э́тат цвёт» (Записано от Носовой Н.А., 1928 г.р., с. Шеломы, Новозыбковский район, Брянская область).

Если невеста оказывалась «нечестной», то никаких действий с украшениями не производилось.

В Беларуси при сохранении девичьей «почестности» после первой брачной ночи выносили и устилали красную самотканую скатерть и лили на неё свекольный рассол: *«А тада́ выно́сили скáтиртъ крáсную усти́лали и расóл буракóвый лі́ли»* (Записано от Аниськовой У.И., 1940 г.р., д. Столбун, Ветковский район, Гомельская обл.).

Как видим, в обрядовой лексике Восточного Полесья при реализации смысла «честная невеста» с предметами-образами тесно связана символика красного цвета: красный бант, красная скатерть, красный пояс, красная лента и рубашка с пятнами крови (тоже, соответственно, красного цвета). Изначальное значение лексемы *красный* – «красивый, прекрасный». В свадебном обряде семантика цвета является вторичной. Символика красного цвета в обрядовой лексике Полесской свадьбы используется, главным образом, для обозначения честности, девственности невесты.

В свадебном ритуале Полесья сохраняется символизация огня. Огонь, по данным исследователей-фольклористов, «в свадьбах имеет значение очистительное и предохранительное от колдовства. Освящая молодых, он препятствует действию на них наговоров злых людей [Цит. по: 7, с. 27]. В некоторых местностях разжигали костёр, и участники свадьбы прыгали через него, демонстрируя, таким образом, невинность невесты до свадьбы.

По белорусской свадебной традиции жених забирает невесту и везёт к себе домой. У ворот дома жениха разводят костёр, через который должны переехать кони с сидящими на повозке женихом и невестой: *«Э́та на вара́тах... Я́к ў двóр вя́зжáють. Во́... ко́ни вязу́ць – па́ра, а а́уо́нь гары́ць, и гаршо́к разабьё́ць»* (Записано от Алексеенко М.И., 1920 г.р., д. Усохская Буда, Добрушский район, Гомельская область).

Во всех случаях предметы-символы используются чаще всего с «целью оповещения участников свадьбы и всего социума о девственности невесты и, следовательно, о правильности, законности совершаемого ритуала и возможности его продолжения» [8, с. 133].

На территории Восточного Полесья «нечестную» невесту или её семью (чаще всего отца или мать) подвергали ритуальному поруганию. Так, в Спиридоновой Буде Злынковского района Брянской области матери, дочь которой не сохранила целомудрие до свадьбы,

через забор перебрасывали курицу, перевязанную *белой* лентой. Часто в традиционной свадебной обрядности *белый* цвет семантически противопоставлен *красному*.

Символом «нечестная / нечестная» невеста является процесс разбивания домашней утвари, в частности горшков. Данная символика разбивания посуды является более древней и на современном этапе её семантика утрачена. По мнению наших респондентов, это действие символизировало счастливую жизнь будущей семьи.

Как отмечает А.Л. Топорков, «битье посуды “на счастье” появилось в Полесье недавно, возможно, под влиянием городской свадьбы» [9, с. 86]. Характерным для Полесья является ритуал битья посуды, символизирующий «честность / нечестность» невесты.

В д. Столбун Ветковского района Гомельской области (РБ) в качестве поругания матери невесты надевали на голову хомут и водили по двору: «*А як нячэсная – хаму́т ма́тцы на ўалаву́ надзя́аюць и во́дзяць на двару́*» (Записано от Аниськовой У.И., 1940 г.р., д. Столбун, Ветковский район, Гомельская обл.). В качестве символов «поруганной» невесты в свадебном обряде выступает также «нецелостность» предметов. Такие предметы-образы могут быть битыми, дырявыми и др. Так, на территории Беларуси свахи шли и бросали под ноги дырявую корзину: «*Карзі́ну на пэ́рад кі́даюць дыра́вую...Иду́ть, ўармо́нь игра́я, иду́ць сва́шкі малады́я, а карзі́ну дыра́вую пад но́уи кі́даюць...*» (Записано от Крупенковой М.А., 1938 г.р., д. Столбун, Ветковский район, Гомельская область). По славянским представлениям дырявый предмет – это метафора испорченного, ненужного, худого.

Для осуждения «прогуленной» невесты в свадебном обряде Восточного Полесья кроме хомута использовались также ступа и пест, как символы половых органов и совокупления: «*Ну́, ё́сли яна́ нячэ́сная пришла́, бяру́ць ба́бы сабира́юцца и ў сту́пу таў́кача́ми, што́ ея́ таў́клі́ та́к*» (Записано от Крупенковой М.А., 1938 г.р., д. Столбун, Ветковский район, Гомельская область). В данном контексте *таў́кач* (бел.) – пест. Женщины собирались, брали пест и ступу, толкли и при этом пели: «*...Харашо́ пашла́, то́лька кро́ўка ни пришла́. / Тра́хнула, як арэ́х, и пале́зла, як ў ме́х*» (Записано от Крупенковой М.А., 1938 г.р., д. Столбун, Ветковский район, Гомельская область). Эротическое восприятие славянами ступы и толкача обусловлено характерными движениями (сверху-вниз), которые совершает человек при использовании данных бытовых предметов.

Кроме того, «нечестную» невестку могли не пустить в дом с улицы. Она должна была обойти и войти во двор с огорода: «*А у на́с ту́т у Ні́ны ни пу́стїли ў хво́ртку, што́б из ву́лицы...во́н абхо́дила*

аґарод и в задняю калітку вхóдила... Штó бярэ́мянная» (Записано от Долгой Н.Ф., 1938 г.р., д. Дубенец, Красногорский р-н, Брянская обл.)

Противопоставление «честная-нечестная» невеста в меньшей степени, чем предметами-символами, проявляется в песнях и поговорках. В случае «нечестной» невестки мать жениха на утро после брачной ночи как бы символически оповещала об этом скот: «*Ни диві́тя, каро́ўкі, тья́тки, сві́нкі, парася́тки, и ўся́ пашня́, штó к нам бля́дь прыйшла́*» (Записано от Малявко Е.В., 1939 г.р., с. Летяхи, Красногорский район, Брянская обл.). В данном присловье символическое обращение свекрови к домашнему хозяйству неслучайно. Считалось, что нечестная невестка может нанести порчу жителям этого дома и всему придворному скоту: «*А тады́ ж вóн, уаво́раць, як нячэ́сная, да́к из ё́тых...упа́дак ў сямы́ быў, ў хазя́йстве*» (Записано от Миненко Е.М., 1932 г.р., с. Новое Место, Новозыбковский район, Брянская обл.).

Если невеста честная, наутро вешали приданое, а свекровь пела песню: «*Спасі́ба, ма́мачка, за дачку́, / Штó насі́ла дачку́ ў хварту́чку*»/. Если же невеста нечестная, свекровь пела: «*Спасі́ба, ма́мачка, за чэ́сть, / штó было́ у яё́ со́рак шэ́сть*» (Записано от Гайшинец П.Д., 1943 г.р., с. Летяхи, Красногорский район, Брянская обл.).

Таким образом, девичья «почётность» в свадебном обряде Восточного Полесья выражается системой акциональных (ритуальных действий) и вербальных (языковых) кодов. Наряду с цветовой символикой бытовые предметы в обрядовом ритуале выполняют характерную знаковую функцию.

Литература

1. Воробьева, Т. С. Национально-культурная специфика свадебной обрядовой лексики и фразеологии (на материале могилевских говоров) / Т. С. Воробьева // Русский язык в контексте культуры: сб. науч. статей; под общ. ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – С. 202–205.
2. Гура, А. В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда / А. В. Гура // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – М.: Индрик, 2006. – Вып. 10. – С. 268–279.
3. Гура, А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика / А. В. Гура. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.
4. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. Наука, 1991. – 511 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. I-V.
6. Смирнов, А. Г. Обычаи и обряды русской народной свадьбы / А. Г. Смирнов // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / Н. Л. Пушкирева, Л. В. Бессмертных – Кн. 1. – М.: Ладомир, 2004. – С. 582-607.

7. Станкевич, А. А. Символика огня и воды в свадебной обрядности Гомельщины / А. А. Станкевич // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства: материалы международной научной конференции, Новозыбков, Брянская область, 23–24 октября 2014 г.: в 2-х ч. – Ч. I Славяноведение в пограничном регионе. Вторые Расторгуевские чтения / Под ред. В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец. – Брянск: ООО «Ладомир», 2014. – С. 26-31.
8. Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
9. Топорков, А. Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья / А. Л. Топорков // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX-начала XX в. – М., 1990. С. 67–135.